

Александр Петров

Компромиссы зла

18+

Александр Владимирович Петров

Компромиссы зла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66562916

SelfPub; 2021

Аннотация

Дьявол кроется в деталях, иногда в повседневных мелочах начинает сквозить беда. А иногда повседневность совсем не то, чем кажется. Представленный сборник остросюжетных новелл переносит читателя в темные закоулки человеческого сознания, стремящегося вступить в компромисс со злом. Но как бы не была темна ночь, в ней всегда найдется место для героя и света.

Содержание

Предисловие	4
Компромисс.	5
Черное рождество.	17
Имя ее – Карнавал.	30
Редактор судеб.	45

Александр Петров

Компромиссы зла

Предисловие

Lectori benevolo salutem! Так уж получилось, что в период самоизоляции мною на спор был написан мой первый рассказ "Компромисс", который был тепло принят небольшой аудиторией читателей моего блога. Затем данный рассказ был озвучен энтузиастами и спустя 24 тыс. просмотров набрал 1,2 тыс. положительных реакций. Люди, читающие мои очерки, периодически намекали мне, что пора бы уже попытаться написать книгу. Все это вдохновило меня на сочинение нескольких разноплановых рассказов, многие из которых напрашиваются на продолжение. После родилась идея объединить их в один сборник под названием "Компромиссы зла", надеюсь, что их чтение доставит Вам такое же удовольствие, как и мне процесс их написания.

Я же искренне жду реакций и отзывов, которые являются моим главным стимулом продолжать. Те истории, что найдут отклик получают свое продолжение, трансформируясь в большие формы. Поскольку же идеи новых рассказов продолжают меня посещать, в последующем планируется издание новых альманахов подобного рода.

Компромисс.

Пустое шоссе, мелькающий ряд сосен, скорость стремиться к сотне, я на пассажирском сидении пытаюсь пристегнуться и в этот момент, поднимая взгляд, вижу, что мы не вписываемся в поворот и машину бросает в занос, за три секунды до его наступления я уже осознаю, что мы не выберемся, что достигнута точка невозврата. Без шансов.

В те краткие мгновения до удара я не могу никого вспомнить, я не ругаюсь матом, а лишь группируюсь и кричу товарищу сзади: "Держись!". Сам же думаю: только бы не лобовое – вылечу.

«Форд Мондео» размашисто входит в поворот – задний бампер автомобиля ударяется в глубокий снег, а затем перед отшвыривает туда же. Полметра не дотянули до отбойника. Боковая подушка безопасности пиропатроном отстрелила справа и я ощутил звон в ушах, ошеломление и оглушение. Внутренности яростно швырнуло в сторону, ощущение от смачного боксерского удара в печень и селезенку, сменилось болью в руках и ногах.

Я проснулся. Холодный липкий пот покрывал мой лоб.

– Милый, опять этот сон? – жена, привстав в кровати, нежно поцеловала в плечо.

– Да.. снова, он настолько реален, что, просыпаясь, я чув-

ствую металлический привкус во рту и боль в ребрах. – растирая виски, бормочу я.

– Это всего лишь кошмар, ты переутомился. – вяло отвечает она. – Если хочешь, в выходные сходим к врачу, возможно тебе выпишут ноотропы. Как идея?

– Лучше, если просто посплю, а выходные мы проведем на свежем воздухе. Тошке это тоже будет полезно. Ложись спать, пойду попою воды.

Шаркая тапками по ледяному кафелю, я доплелся до кухни. стакан холодной воды с привкусом хлорки пришелся как нельзя кстати. Я взглянул на фитнес-браслет – пять минут второго. Что-то было тут не так, но что? На глаза попался дисплей микроволновки – час пятнадцать. Опять что ли синхронизация сбилась? Подойдя к мобильнику ступор усилился – время час. Телефон жены сомнения не развеял – 2 часа 10 минут. Что у них там с серверами происходит, вот уж действительно часы погоду показывают. Поворчав, синхронизировал все устройства со своим телефоном. Не люблю беспорядок. В девятиэтажке напротив горело только одно окно, в нем стоял человек и хотя, я стоял в полной темноте, я был почти уверен, что он смотрел на меня.

Утро началось как обычно, чтение новостной ленты, сидя на белом камне, зубная щетка и контрастный душ. Издевательства над ребенком, которого надо будить и тащить в ясли. Прогрев машины, вечный недосып жены, в котором видишь отражение собственного. А после дорога в офис по од-

ному и тому же маршруту. Сегодня я попытаюсь сократить свой путь.

Проклятая пробка растянулась сразу за поворотом.

– Ну что же – срежем через двор, – думаю я и начинаю крутить баранку.

Мусоровоз перекрыл улицу. Возвращаюсь в проторенную колею. Ничего не сэкономил по времени, только опоздал. Девять ноль пять, я на парковке. А что, если заглянуть в кофейню и пополнить запас бодрости. Тварь я дрожащая или право имею? Стая бродячих псов роется в мусорном баке. Заводила у них рыжая с рваным брюхом сука, я иду мимо них и она начинает рычать. Когда-то давно ее переехал автомобиль, но каким-то чудом она смогла выжить и с тех пор ненавидит весь род людской, а меня в особенности. Псина срывается на лай, а ее прихвостни подхватывают.

– Что-то не очень мне и хотелось этого кофе, выпью простого растворимого, – медленно отступая к шлагбауму, пробормотал под нос себе я.

Подходит к концу квартал и коллеги снуют по коридорам как тени, за стеной методично работает копир. Проклятая люминесцентная лампа надо мной пытается спровоцировать у меня нервный тик. Можно было бы, конечно, кинуть заявку в материально-технический отдел или самому взять стремянку, но нет, это путь слабаков, я пересажу тебя глупая лампочка, меня не сломить. Два раза заходил шеф, бросив мои отчеты с исправлениями – тонкой вертикальной чертой

на полях со знаком вопроса, охватывающим несколько позиций – пойдй угадай, что он имел ввиду. Хрен с ним, пересчитаю все заново.

К обеду в дверях появляется она – Надежда Петровна. Местная бабка, которая постоянно путает наш офис с Росреестром и пытается подать жалобу на покупателя ее дачи, который обманом отобрал у нее расписку о получении денег и скрылся в закат, суды она все проиграла.

Об этой истории знает весь этаж, но из чувства уважения к старости никто ее не прогоняет, а методично объясняют как пройти к адресату. Но это в общем-то бесполезно, потому что начав с ней говорить, ты узнаешь всю историю от начала до конца.

– Сегодня похоже моя очередь. – пробубнил я.

Надежда Петровна по-прежнему стояла в дверях и не решалась войти. Ее волосы под беретом были мокрыми и по ним струилась вода. «Бедняга, упарилась наверно бегать по инстанциям, пот с нее льет».

– Надежда Петровна, Вы наверное ошиблись – Росреестр в соседнем подъезде. – с робкой надеждой в голосе и с максимальным убеждающим посылом в интонациях сказал я.

– Нет, Андрюша, я к тебе. – промолвила она, хотя мне на мгновение показалось, что ее сухие поджатые губы даже не дрогнули при этом.

«Вот это поворот, сумела старая разорвать шаблон».

– И с каким же вопросом?

– Подойди к окну, эта сука добралась до твоей машины.

Не ожидал я обсценной лексики от пенсионера, но так это все было неожиданно, что невольно подскочил к окну и бросил взгляд на парковку, а следом оторопел. Проклятая стая собак, очевидно, загнала кота под капот автомобиля, и, желая достать его, оторвала бампер и терзала подкрылки. Набросив на плечи пальто, я ринулся из кабинета, когда услышал в спину:

– Бойся ее, Андрей, все не то, чем кажется.

Холодок скользнул от этих слов между лопаток, но адреналин заставил меня овладеть собой.

На парковке царила тишина, стая сбежала, оставив поруганную машину и то, что осталось от кота. Оглянувшись, я увидел уродливого вожака стаи, она стояла у контейнеров, поджав хвост и ссутулившись. Готов поклясться, что ее окровавленная пасть улыбалась. Подошедший охранник, хлопнул меня по плечу, извинившись:

– Андрюха, извини, только отлучился от мониторов и на тебе.

– Знаешь, Саньч, иногда честно не понимаю за что тебе зарплату платят. Если сохранить не смог, может хомут какой найдется?

– Этого добра навалом, да не переживай ты так, бампер – всего лишь расходник. Не подашь же ты на собак в суд.

– И то верно.

Вернувшись на место, старушку я уже не застал. Хоть ка-

кой-то плюс от этой всей ситуации.

Дальше день прошел как обычно, переделав отчет, я тиснул его в почту начальника, и, закапав в воспаленные глаза капли, поплелся к лифту. Серега из второго отдела зашел следом:

– Ты чего кислый какой? – начал разговор коллега.

– Не спрашивай, тачку псы местные разгромили, когда уже их отловят – кофе страшно попить сходить. И больше скажу, я выбил комбо, новость мне эту Петровна принесла.

– Какая Петровна?

– Которая Надежда мать ее обманутая всеми Петровна.

– Ты пошутил сейчас? – округлив глаза, спросил Серега.

– Нет, а с чего такой вопрос?

– Слушай, Дрон, ты бы ходил к психиатру, Петровна уж неделю как преставилась.

Настала пора мне изобразить удивленную мину.

– Ты решил меня потроллить? И как же это произошло?

– Кхм.. девчонки из бухгалтерии рассказывают, что бабка была совсем не промах, любила между жалобами в бассейн ходить и вот с неделю назад пошла она перед этим в душ, там ее и нашли, когда спохватились. Инсульт – упала и разбила голову.

– Знаешь, это уже не смешно. Я видел ее сегодня своими собственными глазами. – ответил я, расставляя ударение на каждом слове.

– Спокойно-спокойно, мужик, отоспись сегодня получше,

отчетный период особенно тяжелый. Я передал то, что слышал не более того.

Неприятный выдался разговор, похож на злую и несмешную шутку. На автопилоте прыгнул за руль и выехал к дому.

Петляя по серпантину, я не встретил ни одного автомобиля, тревога вновь подступила, когда позади стали гаснуть фонари один за одним. Казалось, что мир за моей спиной отключают, целые куски пространства поглощались темнотой. Машинально прибавив, газу я выскочил на проспект, еще через двадцать минут я был на парковке у дома, но подниматься не хотелось, что-то подстегивало меня все сегодня сделать иначе, разорвать этот проклятый круг. Полистав телефонную книгу я выбрал номера пары друзей, с кем можно было бы зависнуть на время, но женский голос с металлическими нотками холодно отрапортовал: «Абонент не абонент».

На пороге квартиры на меня вновь напал озноб, что это – простуда меня развозит? Постояв на коврике, я развернулся и уже собирался идти, как услышал оклик:

– Папа! Ты куда?

Из своей комнаты выглядывал Тошка в пижамке. Я повернулся к нему на негнувшихся ногах, мое сердце колотилось, улыбнувшись я распахнул к нему объятия. Малыш подбежал и крепко вцепился в мою шею:

– Папка, я в садике самолет слепил, большущий, я так со-скупился! Почитай мне сказку, про трактора!

– Того, который не мог выговаривать букву «Р»?

– Да!!! – с озорными искорками в глазах вскрикнул сын.

Я крепко обнял его и тепло растеклось по моему сердцу.

В глазах стояли предательские слезы, меня трясло. Мой сын не мог говорить. Что же происходит со мной, где я?

– Сынок, иди в кроватку, я сейчас переоденусь и приду.

– А ты меня не обманываешь?

– Я всегда говорю тебе правду.

Как только дверь в спальню закрылась, я выбежал в подъезд. Застыв на секунду рядом с дверями лифта, решил, что безопаснее спуститься по лестнице. Когда дверь на улицу распахнулась, я почти не удивился увидеть рядом с подъездом стаю псов с несменяемым вожаком. Эта жуткая тварь зарычала и пошла на меня.

Выброс адреналина был сногшибательным, я не отступил, а пошел на нее с диким, первобытным ревом. Псиная сделала прыжок и вцепилась в выставленную мною левую руку. Ее клыки рвали мое запястье, яростно перемещались вверх к шее, оступившись я упал на спину. Страх не было, боль не чувствовалась, первоначальное оцепенение сменилось решительностью биться до конца, нащупав правой рукой кирпич, которым иногда подпирали дверь, я сделал взмах. Потом еще и еще, собака заскулила, но продолжала стоять на своем. Вспомнив, что я взрослый мужик и масса на моей стороне, я перевалился на нее и оказавшись сверху начал иступлено молотить осколком кирпича, пока не услышал хруст костей черепа и в нос не ударило запахом парной крови. Мед-

ленно поднявшись, я не увидел остальных псов. Отбросив окровавленный кирпич, шаг за шагом я продвигался к свободе, которой страшился, не зная, что меня ждет впереди.

Поскольку район наш новый, я намеренно пошел дорогой, которую не знал. Свернув за угол, я ждал увидеть все, что угодно, но только не это.

Там ничего не было. Тьма ударила в глаза ярче дневного света, мир перевернулся и когда я открыл глаза все было иначе.

Остров... почему именно остров.

Бирюзовые волны, лазурный берег, здесь все не так как на земле, по непонятным причинам иногда от глади морской отрываются сгустки воды и начинают парить над морем. Мы развлекаемся тем, что сбиваем их, стреляя из луков, пусть это напрасная трата стрел, но кто-то побывавший здесь до нас оставил нам целый арсенал. И теперь нет необходимости заботиться обо всем остальном.

– Задержи дыхание, когда будешь стрелять, – советует мой компаньон. – лови паузу между ударами сердца, твердо держи руки.

Тетива звонко дарит свободу стреле. Попадаю.

Под одобрителный смех наставника мы идем с ним к костру.

– Мне казалось, что в этих широтах теплее, – ежась от холода, говорю я.

– А в каких ты думаешь мы широтах?

– Не знаю, я перестал быть силен в географии.

– Эти широты ближе, чем ты думаешь. Садись поближе к огню, погрейся.

Передо мною сидит исполин, двухметровый мужик с недельной щетиной и гладкой лысиной на макушке, седина проступает с остатков его волос, венчающих благородный череп. Он греет свои широкие ладони над огнем и в его глазах сверкают отблески пламени.

– Дядя, я думал тебя больше нет.

– Я есть, Андрей, и буду здесь пока ты меня помнишь, твоя память – это моя отсрочка перед лицом вечности.

– Так я и думал – чудес не бывает, все вокруг это сон?

– Не совсем.

– Я умер?

– Сложно сказать. Видишь ли, я знаю не больше чем ты сам. Если хочешь, я образ твоего логического сознания. Я говорю так открыто, чтобы ты не боялся призраков в моем лице. Я мог бы предстать перед тобой в любом облики, но не было гарантии, чтобы ты слушал кого-то кроме меня.

– Но что произошло?

– Твой повторяющийся каждую ночь сон, вот что реально. Была авария, ты серьезно пострадал. Все остальное, что ты видел, есть ни что иное, как компромисс твоего угасающего сознания с неотвратимо приближающейся пустотой. Сознание словно перешло в режим сбережения энергии, оно создало пространственно-временную петлю, в которой ты про-

должал «жить», но выйти из которой и сымпровизировать не мог – врубались механизмы защиты психики, являвшиеся тебе в виде стаи псов. Но мозг подмечал логические несоответствия и ты все разрушил, вызвал «перезагрузку», как следствие, оказался здесь.

– Значит, все-таки я умираю?

– Не проси ответа на вопрос, который я не могу тебе дать.

– Как долго это длится?

– Возможно там это длится мгновение, а может быть ты уже неделю лежишь в реанимации, возможно всполохи света это свет фонарика врача неотложки на месте ДТП, а может быть последние сигналы нейронов нашего мозга.

– Что же ждет дальше?

– Никто не знает ответ.

Небо начинает хмуриться, приближается шторм, пора собираться. И шторм здесь сам по себе, приходит без видимых причин и тянет от него нечеловеческой злобой.

Яркий летний день обращается в темную ночь, если и бывают сумерки Богов, то они выглядят именно так. Мы бежим в тропический лес, дабы укрыться в надежном убежище, проводник бежит быстрее, он здесь дольше, чем я, и лучше усвоил правила выживания, он изучил все тропы и все что мне остается – это учиться на бегу и не отставать. Под ногами жжется неизвестная мне трава, ветки бьют по лицу, я ничего не вижу и бегу на звук. Укрывшись под валуном, переживаем стихию. После по веревочному мосту дядя пе-

ребирается на вершину.

Я следую его примеру, но веревка рвется. Попытки забросить аркан ничего не дают, камни скользкие и веревка не может за них зацепиться. Оглядываюсь по сторонам и замечаю, что в отдалении откуда-то из небытия возникла дорога посреди тропиков, а за ней привычная средняя полоса России и лагерь, разбитый отдыхающими. Я кричу и машу им руками... они откликаются, машут в ответ, смеются, но не собираются идти мне навстречу. Я прыгаю с каменистого выступа на песчаник и бегу к ним. За спиной я слышу: «Постой, не пытайся перейти дорогу!»

Я не слушаю, бегу к ним... у самой дороги как из земли возникает пес, он лает и пытается меня остановить, у него это не выходит. Дорога пересечена... но что же.. никого нет, так пусто, что, кажется, в мире нет ни единой души. И осень... среднерусская осень. Нет пути ни вперед, ни назад.

Компромисс играет со мной... играет, по своим правилам. Начинается испытание одиночеством.

Черное рождество.

Я не помню, когда это началось. Может быть моя психика, защищая себя, поставила заслон, и я пытался все забыть. Поэтому моя память как решето. Возможно. Мне сложно выразить чувства, а в последнее время стало сложно формулировать слова. Все чаще переставляю местами слоги, путаю буквы. Как же я жалок. Брожу по комнате кругами, не могу взяться за дело. Важное дело, чертовски важное дело. Работу всей моей жизни.

На улице стало нестерпимо холодно, все наряжают елки, я бы тоже нарядил, но не могу. Все мое внимание рассыпается, но вдруг мой взор останавливается на бронзовой дверной ручке, из тьмы возникает искра, передо мной вновь возникает туннель, я обретаю цель и чувствую электричество в моем мозге. Эту бурю, пронзающую всю сеть нейронов, я становлюсь деятельным, я оживаю. Почему же это длится так недолго, иногда минуту, порой час. Меня что-то ведет, но стоит сойти с невидимого маршрута и из меня словно вынимают батарейки. Нужно это прекратить. Я все же должен вспомнить, когда это началось, только тогда я буду уверен, как все должно закончиться.

На столе лежат разбросанные бумаги, часть смята, но есть три нетронутых листа, они пронумерованы, на них напеча-

тан текст с рукописными правками. Буду читать по порядку.

Лист первый. Мне восемь лет, на ногах моих сандалии и белые носочки, я весело бегу по песчаной обочине, рядом со мной двоюродный брат Генка. Он гостит у бабушки этим летом, он старше меня на три года, выше на голову и значительно крупнее. Мы идем смотреть пруд по его просьбе, для этих городских все в диковинку: то корову им покажи, то жука майского из навоза наковыряй. Правильно, живут у себя в городах – света белого не видят, все время по квартирам сидят, как мыши в норах. То ли мы деревенские, убежишь утром на луг, набегаешься в салочки до бессилия, в овраге воды ледяной из ручья напьешься, а после можно в чашу лезть – улиток собирать, проголодаешься – к соседской бабке в сад заберешься яблоки тырить, а то и вишню! Ух, как она нас крапивой прихватила, когда мы потеряли бдительность и подпустили ее слишком близко в прошлом году. Саньке то сильнее досталось, он как самый жадный на вишню полез и там застрял, растерявшись. Потом в футбол пойдешь играть, штабик в кустах строить, мелом разживешься – в четыре квадрата можно поиграть. Много дел летом, дни кажутся бесконечными и совсем не хочется расходиться по домам.

Минуя мост через речку, мы останавливаемся на середине и, вытянув шеи, плюем в воду, кто дальше. Естественно побеждаю я, в этом деле я абсолютный чемпион. Было время потренироваться, пока вечером ждешь пастуха со стадом.

Продолжаем путь. Со мной большая стеклянная банка, я смогу поймать в нее головастиков и выпустить в другую заводь, которая не пересыхает в жару.

Впереди раскинулся парк, давно заброшенный.

Говорят, раньше по пятницам здесь гремела музыка, были танцы. Мне сложно это представить, 90-е добрались и сюда, я еще слабо понимаю, что это, мне не с чем сравнивать, для меня это настоящее. Я просто вижу разруху, которая контрастирует с фильмами, что крутят по телеку, и сцена посреди парка яркое тому подтверждение. Она привлекает к себе внимание и в то же время отталкивает от себя. Деревянные лакированные доски давно облупились от сырости, местами они вырваны, а большей частью заплеваны. Битое стекло от темно зеленых и желтых бутылок, невыветривающийся запах мочи, усиливающийся под палящим солнцем, использованные шприцы. Больше всего на свете я боюсь встретить здесь наркомана. Никогда раньше их не видел, но мама описывала их очень страшно. Боюсь случайно уколоться об иголку и схватить СПИД, я обхожу сцену стороной, нехорошее это место.

К пруду ведет тропинка среди высоких вековых вязов и плакучих ив, здесь тоже есть одна достопримечательность. О ней знают местные, родители пугают ею детей.

– Генка, погнали, я тебе че покажу!

– Че там? – недоверчиво пробухтел мой товарищ, остановившись.

– Гиблое место одно. Да не бойсь, там безопасно, но история с ним связана одна страшная.

Сквозь чащу лопухов мы шли спотыкаясь, под ногами хрустел валежник, было сыро, пахло слизью виноградных улиток, сквозь кроны деревьев пробивались редкие лучи, сив капали склизкие «слезы». Через пару минут заросли раступились и мы вышли на поляну.

– Во! – указал я на самый центр ее.

На лужайке было продолговатое пятно выжженной земли. Чуть поодаль валялись несколько обломков обожженных кирпичей. Но угля и остаток кострища не было.

– И что это? – спросил друг.

– **Здесь мальчика сожгли**, – выпалил я и, выдержав паузу, продолжил. – Мне еще бабка рассказывала, что лет двадцать назад шпана позвала с собой погулять первоклассника, предложили ему картошку в костре испечь. Заманили они его на это самое место, разожгли костер и заставили через пламя прыгать. Он в шортиках был, не хотел, упирался, они ему тумачков надавали и сказали избыют, если прыгать не станет. Вот он и испугался, начал прыгать. Им весело, хохочут, а он от страха и боли визжит. У него и ноги в ожогах все были и шорты тлели прямо на нем. А они все требовали продолжать. Измывались они над ним часа три не меньше, а после бросили, когда он сознание потерял и в кострище ухнул. Мальчик в себя пришел и долго до больницы районной на руках полз, она здесь не сильно далеко километра три всего,

да то пешком, а он на локтях, волоком. Хирург, что дежурил в тот день, сосед наш, до сих пор со слезами на глазах вспоминает его обугленные ножки. Сильно мучился он, но огнем ему, говорили, даже яички сожгло! Шансов не было. Так, и помер. А кострище то не зарастает с тех пор.

Генка слушал ошеломленно, уставившись в одну точку. Я же вдруг обратил внимание на необъяснимую тишину. Не стало слышно ни ветра, ни птиц, ни падающих на широкие листья лопуха капель. Казалось, что и ветер притих. По заливку пробежали мурашки. С трудом, я выдавил из себя завершение истории.

– Только на этом все не закончилось, год назад пацаны местные сюда также пришли с пареньком поменьше. Разожгли костер и все нормально было, как вдруг нашло на них что, также его в костер толкать стали, а после прыгать заставили. Но он юркий был, выскользнул и наутек. Их после на учет в детскую комнату милиции поставили. Сами объяснить не могут зачем сделали это. Местные думали, что повторить эту историю, ставшую байкой, хотели. Но самое интересное – никто из них не сознается, что о ней слышали. Только костер они жгли чуть подальше, видишь, там, где кирпичи в траве валяются. Там-то кострище заросло.. а здесь нет.

По лицу Генки промелькнула едва уловимая тень. Он нахмурил брови и сказал:

– Гонись ты все, пошли отсюда – лягушек ловить. Устроил тут, пионерский лагерь и страшилки у костра.

– Ген, да не вру я! За что купил, за то и продаю! – кричал я ему уже вслед.

Мой товарищ шагал уверенно, отводя ветви руками. «Эк, городской как приноровился – уверенно к тропе идет, научился ориентироваться на местности. Моя школа» – удовлетворенно думал я.

Будто прочитав мои мысли, Генка запнулся и, растерянно поглядев на меня, спросил:

– Дальше куда? Чет я забыл...

– Эх, ты, растяпа, сюда давай. Уши наострил, а сам дороги не знаешь, куда вперед бабки лезешь!

Дальше шли быстро, но молча – давила тишина. Хотелось скорее выйти из тени деревьев. И мы вышли. По бетонным плитам в поле, оставленным здесь специально на время распутицы, мы добежали до небольшого пруда и склонились над водяной гладью. Среди травинок в иле копошились головастики, похожие на откормленные запятые, сбежавшие на лето из школьных тетрадок. В кроне дерева на берегу был переполох – две сороки напали на гнездо иволги, а та, движимая материнским инстинктом, яростно отбивалась от них. Мне скорее захотелось домой, чтобы взять тетрадку-дневник наблюдений за природой и скорее записать это наблюдение и зарисовать. А в сентябре отнести в школу учителю. Она обещала, что если я буду внимателен в описании всего, что увижу, его обязательно отправят почтой главному орнитологу! За этими мыслями я упустил из виду Генку, а он был увле-

чен отнюдь не головастиками, он удивленно смотрел на свое отражение в воде и осторожно щупал щеки.

– Ген, ты че? Бери банку и черпай их! На следующей неделе жара начнется, уйдет вода – все головастики перемрут, а с ними и лягушки, комары разведутся, спасу не будет. Нам об этом на факультативе по экологии рассказывали.

Гена отвлекся на мой голос и как-то по-чужому на меня посмотрел. Мне показалось, что от воды отразился солнечный луч и белки его глаз на мгновение блеснули бронзовым светом.

– Игорек, знаешь, что я вот подумал. – сказал он мне, медленно двигаясь навстречу.

– А?

– Я вот книжку читал, в ней написано, что если человека задушить и в воду кинуть, то вскрытие покажет убийство. А если его голову под водой подержать, он наглотается воды, а вместе с ней планктона, который проникнет в печень, легкие, кости. И патологоанатом их найдет и сделает вывод, что он утонул. И фиг докажешь.. Ты не представляешь, как меня эта мысль мучает, все попробовать хочу какво это?

– Генка, ты чего?

– А ты как раз меня меньше и легче, с тобой я легко справлюсь, и людей здесь в округе нет совсем. Такой шанс не могу упустить. Или тебя можно в пакет замотать потом и в реку выкинуть, камнем придавив. Всплывешь, когда я уже в город уеду. Или просто скинуть в речку, скажу полез ты с банкой

рыбу ловить, ногой в яму ухнул, течением тебя подхватило и унесешь. Вот я голова, да? Да ты не беги, дурашка! Я все равно быстрее, один конец будет.

Не стал я вступать в спор, кто быстрее, а просто дал деру оттуда так, что пятки сверкали. Бежал не думая, куда бегу, без оглядки. Слышал, как за спиной топают ноги Генки, как он пыхтит, в какой-то момент он даже почти схватил меня рукой, но что-то говорило во мне, что он не шутит и я прибавил еще. Впереди была хорошо известная мне яма, заросшая крапивой и скрытая за пригорком, перепрыгнув ее я услышал сзади вопль. Ушел. Сказать, что я был напуган – ничего не сказать. Я забежал домой, закрылся изнутри и избегал встреч с Генкой до конца лета, а он вел себя как ни в чем не бывало. Со временем я убедил себя, что это была лишь дебильная его шутка, но по ночам мне снился иногда бронзовый отблеск его глаз. Я просыпался мокрым и липким от холодного пота, в полной тишине.

Воспоминания о детстве нахлынули на меня. Теплой волной, которая разбилась о вид моей мастерской. Вокруг был беспорядок, расстеленный полиэтилен был забрызган краской, а на мольберте последняя картина представляла собой жалкое зрелище сплошь в красных и черных тонах. Пошлость, а не картина. Сожгу ее, когда закончу.

Я нерешительно приблизился к столу, на нем лежал пожелтевший от времени листок, отпечатанный с двух сторон. Мне было страшно брать его в руки, но я преодолел себя.

Это была копия протокола допроса потерпевшей К. Виктории Алексеевны (фамилия была старательно замазана корректором), при допросе использовалась видеокамера Sony, велась видеозапись, но в показаниях было указано лишь: во всем виноват Миша и его друг Сергей. И две подписи – лечащего врача и следователя.

Но для меня все было гораздо глубже. Взяв бумаги в руки меня вштырило, по-другому не скажешь, я словно вдохнул полные легкие мутной воды, перенесся в прошлое. История Вики была для меня поворотной, узнал я о ней спустя год после случившегося – нам первокурсникам рассказывали в интересах нашей же безопасности наиболее жесткие случаи, происходившие со студентами.

Про Вику рассказ был сух, но очень эмоционален. Тихая девочка, которая особо и не шла с парнями на контакт, поехала на учебу в маршрутке. Разговорилась с водителем, веселый, молодой, ранее судимый (но ведь на лбу этого не написано) в процессе общения тот в шутку позвал на свидание, а она согласилась. Он подъехал к ее дому на тускло-желтой Газели, она с золотыми косами и белой блузке запрыгнула на переднее сидение. Они поехали кататься. Через какое-то время они увидели идущего по обочине мужчину. «О, Серега! Кореш мой давний, дай тормозну. Серега, ты куда бредешь? Подбросить? Ты же не против, Вик?» Так она и оказалась на переднем сидении между водителем и «случайным» пассажиром. Кореш вел себя развязно и начал практически

сразу приставать, на просьбы девушки остановиться Михаил лишь прибавил газу и направился в лес.

Ее нашли случайно, дальнобойщик заметил на трассе какой-то белый предмет, который едва шевелился. Остановившись он был в ужасе – это был обугленный ком человеческой плоти в остатках грязно белой блузки. Искалеченное тело продолжало бороться если не за жизнь, то за отмщение.

Потом станет известно, что подонки многократно изнасиловали ее, били монтировкой, а чтобы окончательно скрыть преступление сначала придушили, а затем облили бензином и подожгли. Но она пришла в себя. Восемьдесят пять процентов кожи уничтожено огнем, кровь смешалась с грязью и покрыла тело сплошной коркой, волосы сожжены полностью, глаза лопнули от высокой температуры и вытекли, но сознание было при ней. И она ползла, на звук трассы. Ползла, а ее пальчики отламывались, цепляясь за грунт. В реанимации она жила еще ночь. Но она успела сказать главное – имя убийцы.

Я настолько был ошеломлен услышанным, что начал собирать по крупицам все подробности произошедшего, пошел общественным помощником в прокуратуру, навязался следователю, который расследовал дело и, наконец, узнал место, где все произошло. Ночью я приехал туда и фонарем нашел то проклятое место, кострище не заросло травой. По наитию я положил ладонь на землю и меня поразили воспоминания. Флэшбеками я увидел все, что произошло в тот

день, почувствовал все, что и она и это было невероятно мучительно больно. А еще слышал слова, которые они говорили и была среди них фраза, от которой я дрогнул: «Куда же ты бежишь, дурашка?».

Вернувшись в реальность я понял, что лежу в кострище, свернувшись клубком и дрожу. Сквозь сосны сияла луна, сырость пропитала мою куртку. Вокруг стояла крошечная тишина. Но вдруг, сквозь этот невидимый заслон прорвался порыв ветра, который донес до меня девичьи слова: «Игорь, зло должно быть наказанным». На мгновение мне показалось, что я вижу в лунном свете силуэт.

Тогда то я и понял о чем речь, я вспомнил.. С тех пор я стал внимателен, много времени проводил среди людей. Вслушивался в разговоры и как только звучала эта проклятая фраза («Куда же ты, дурашка?»), срабатывал триггер. Во мне просыпался неустрашимый охотник-инквизитор, который не видел перед собой мужчину, женщину или ребенка, а видел суть – абсолютное зло в овечьей шкуре. И я наказывал зло. Решительно наказывал, ни разу не попавшись. Теперь мне нет нужды читать третий листок. Нет необходимости заканчивать недорисованные картины. Мне больше не нужны деньги на жизнь, мне не нужно думать о будущем. Вновь появилась цель. Нужно вернуться к первоисточкам зла и покончить с этой затянувшейся охотой – раз и навсегда.

...

Я стою на пороге квартиры Генки, надо сделать десять глу-

боких вдохов и выдохов, пульс должен стать ровным. На мне вязанные перчатки с отрезанными пальцами, а в руке старый травматический ПМ, расточенный до боевого. Звоню в дверь. Тишина. Я слышу, что кто-то стоит и внимательно смотрит на меня сквозь глазок, но не решается открыть. Наконец ключ поворачивается, я решительно распахиваю дверь и прохожу внутрь. Навстречу мне выходит жена Генки – по ее лицу стекает черная нефтяная жижа, а глаза горят бронзой – я опоздал, он ее поразил злом, стреляю в лоб. Тут же обращаю взор на племянницу, именно она открыла дверь. Во мне теплится надежда спасти хотя бы ее.. Но нет, ее рот искажен ужасом и из него льется расплавленное олово. Выстрел. Легкая тень сожаления. Вдруг меня с силой бьют в плечо и я поскользнувшись на крови падаю. Кто-то выскочил в подъезд. Встаю и бегу следом, нельзя никого упустить. Любой росток зла даст приплод. Это мальчишка, он бежит босиком по снегу, целюсь и кричу ему вслед: «Куда же ты бежишь, дурашка?».

Внутри что-то екнуло. Нет, тысячу раз нет! Это сказал не я! Но голос то был мой! Падаю на колени и рыдаю. Меня засыпает снегом. **«Wer mit Ungeheuern kämpft, mag zusehn, dass er nicht dabei zum Ungeheuer wird¹»**. Я сам пропитался злом. Оно уже во мне. Мальчик убегает, зло остается. Как в далеком детстве. Круг замкнулся. Пора его разорвать,

¹ Если долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть на тебя. Ницше.

я подношу пистолет к виску, жму на пусковой крючок и уже не слышу выстрела.

...

«Эти праздники так быстро проходят, моим друзьям совсем не хочется в школу. А мне хочется, там Сашка. Сегодня мы переписывались с ним до утра, мама поругала, что я сбила себе весь режим. Но ей этого уже не понять, ведь не ей 17, не она влюблена. Завтра мы с ним пойдем на каток. Это наша первая встреча за неделю. Ох, как все сладко сжимается внутри, мне кажется, что я недотерплю до утра. Папа пошел с братиком в магазин за тортом, он скоро придет. Люблю их. Кто-то звонит в дверь. Странно, за дверью дядя Игорь. Они ведь совсем не общаются. Папа говорит, что он псих. Я же помню, как он семь лет назад нам подарил свою картину и много сладостей. В глазок он не кажется опасным, да и как не открыть ему, ведь сегодня Рождество, праздник примирения. Пока-пока, дневник, завтра я напишу много интересного».

Имя ее – Карнавал.

Редкие листья грязно ржавого цвета все ещё цеплялись за ветви погрузившихся в сон деревьев. Приближался ноябрь. В воздухе витал снег, равнодушно и без спешки, но как-то неотвратимо оседал он на промерзшую землю. Он таял, но знал, что скоро возьмет свое. Во всем обнаруживалось предчувствие зимы. И вместе с ним к Толе возвращалась мигрень – старая подруга. Нельзя сказать, что добрая, но некоторых знакомых не выбирают.

Закончив смену, он плелся домой и мечтал лишь провалиться в глубокий сон, чтобы забыть все, что ему приходилось переживать изо дня в день. Холодный свет ламп дневного света, блеклый кафель с голубым отливом, запах формалина и... свиного мяса. Почему-то именно такая ассоциация у него возникла с первого рабочего дня и преследовала его до сих пор, ему какое-то время даже хотелось стать вегетарианцем, но человек такая тварь, что ко всему привыкает. И потому вид того, как очередной старушке скальп натягивают на подбородок перед вскрытием черепной коробки, стал для него, в общем-то, привычным. Но выпить после каждой смены хотелось, не мог он вытравить в себе человека, не мог. Потому среди друзей и получил он прозвище «Толик Блендер» – не было ни одной пьянки, чтобы он не смешал все, что горит.

«Иди в мед, говорили они, получишь уважаемую профессию. Ага. Такими темпами хронический алкоголизм меня настигнет раньше», ежась от осеннего ветра, думал он. Злая самоирония была его неотъемлемым компаньоном в жизни, не дающим опускать руки. А поводов к последнему выдалось много за последний год, поступив на медфак он надеялся, что наконец наступят те самые золотые годы, коими зовут студенчество, но счастье длилось всего один курс. Болезнь отца не позволила этим планам сбыться, возникла необходимость зарабатывать и взять академический отпуск. Вкалывая на двух работах, Толик пытался откладывать на учебу, а чтобы не потерять квалификацию устроился санитаром в морг. Так и жил в состоянии безнадёги изо дня в день.

Ныряя под арки, узкими, неприметными почти звериными тропами он пробирался сквозь постапокалиптические пейзажи спального, в котором жил. Под очередным порывом ветра провода качнулись сильнее всего, пересеклись и с верхушки столба посыпался сноп искр. Фонари погасли, и единственным источником света стало окно первого этажа в подъезде. В него машинально и взглянул Толя. Ой, зря. У самых почтовых ящиков стояла фигура: высокий, даже несколько грузный мужчина, похожий на вздувшийся труп, в тренче и головном уборе, который он разглядеть не успел, потому что его привлекло то, что было под ним. Это была темнота, абсолютная, манящая и пугающая. Сделав по инерции несколько шагов, Анатолий от неожиданности остано-

вился. В нем боролись два чувства: взять ноги в руки и бежать и инстинкт исследователя-скептика. «Да ладно, быть того не может, померещилось». Вернувшись назад, он взглянул снова в окно, почтовые ящики были на месте. Фигуры не было.

Ночь вокруг стала какой-то враждебной, темнота и сырость давили со всех сторон, он почувствовал себя маленьким и на ладони огромной невидимой силы, которая вот-вот прихлопнет тебя как букашку.

«Ну, на хрен. Домой. Спать. Сначала пить, потом спать». Удовлетворенный такой импровизацией, он ускорил шаг и нырнул в дверь своего подъезда. Двигаясь на ощупь, он пробрался к лифту, кабину безбожно трясло, привод выл и кряхтел так, что казалось, что в него насыпали ржавых гвоздей. Двери распахнулись, и перед ним предстал длинный коридор, тусклый свет, покрашенных, дабы не сперли, ламп, идеально подходил к обшарпанным зеленым стенам. «Зеленая миля» ни больше, ни меньше». На ходу пытаюсь отыскать ключи в рюкзаке, он не заметил, что в коридоре не один. Хлопнувшая рядом дверь заставила его отвлечься и испытать на практике понятие когнитивного диссонанса.

Прямо на него двигалась, нет – плыла, невероятной красоты женщина в красном вечернем платье, она без интереса взглянула на него и также невозмутимо удалилась, лишь шелест ткани еще какое-то время звучал в коридоре и аромат

горького шоколада стоял в воздухе как мираж. Подняв упавшую на пол челюсть вместе с ключами, Толик присвистнул про себя: «Какой интереснейший экземпляр посетил наш заповедник. Не может быть, чтобы у нее здесь были знакомые. Видимо навигатор подвел. Бывает. Или меня сегодня конкретно плющит. Надо быстрее лечь спать».

Открыв дверь, ведущую в малосемейку, он почувствовал, что оказался дома, тревога, терзавшая его, отступила.

На общей кухне сидел Васильич и ворчал на жену:

– Беспорядок навели! Посуда не убрана, пожрать не готовлено, из квартиры сделали проходной двор!

– Уймись ты, – вспылила Валентина, – пить надо меньше, тогда и в быту все наладится.

– Да, что наладится? Что наладится? Я тебя в третий раз спрашиваю, что это за шаболда в красном платье на нашей кухне вторую неделю хозяйничает?

– Допился ты уже совсем, старый! Ровесники твои до зеленых слонов в лоскуты надираются, а ты баб каких-то видишь! Нет здесь никого, вон Толик подтвердит!

Внимание Васильича устремилось на соседа. Насупившись и грозно сведя брови, испытующе он посмотрел на арбитра. Валентина, подбоченившись, тоже ждала вердикта. Как никогда Толик ощутил значимость момента, но, будучи под впечатлением от недавней встречи с незнакомкой, только и смог снисходительно выдать:

– Вы о той девушке, что к лифту прошла спорите?..

Валентина с досадой скомкала и бросила на стол вафельное полотенце:

– Да ну вас алкашей, один старый, другой молодой, а все на одной волне.

Сказала и ушла в свою комнату. Вообще тетя Валя была хорошей женщиной, работала в столовой, подкармливала Толика, видя в нем нереализованную мечту о сыне, и в свои «немного за пятьдесят» еще выглядела довольно бодро, несмотря на тяжелый ежедневный труд и мужа – водителя скорой помощи, который, получив долгожданную пенсию, стал часто прикладываться к стакану, разумеется, во внерабочие дни.

– Вооот!!! Наконец-то! Идиота из меня лепит, понимаешь!

– Васильич, да успокойся ты, все норм, я сам ее видел только что. Ничего такая, а кто это?

– Думаешь, я знаю? Я как увижу ее, все по квартире нашей шастает, вынюхивает что. Как меня увидит, сразу линяет. А сегодня включил телек, а там про нее говорят.

– В смысле, про «нее»?

– Ну, ты не смотрел что ли репортаж с выздоровевшими?

Толик не смотрел репортаж, но был как никто другой в курсе происходящего в стране и мире, работая на передовой – в похоронной команде. Внезапно возникший и стремительно распространяющийся вирус косил всех без разбора, несмотря на вводимые карантинные меры.

– В общем слушай, – озираясь по сторонам сказал Васильич, – сняли сюжет свободные журналисты, которые вывели закономерность – часть людей переносили эту заразу бессимптомно, других лихорадило, у третьих лопались сосуды в мозгу, на коже, в теле, да я сам это видел на вызовах – выглядело это все жутко, как менингоковая инфекция, только жестче. Но не в том суть, во всех историях общим было одно, и тем, и другим снился сон в период кризиса: красный карнавал. Ну знаешь там, венецианский карнавал, где все в костюмах – только красного и бордового цветов. Огромные площади, кружащиеся люди в чумных масках и голос, который призывно зовет тебя. Ты идешь за ним, идешь, а в конце баба в красном, прям как эта! И она тебе делает предложение, согласишься – будешь жить, отвергнешь – кирдык.

– Инфернальненько – прокомментировал Толик, как человек, столкнувшийся с фанатом ТВ-шоу про рептилоидов. – Так что за предложение?

– Да не колется никто, – не заметив насмешки, продолжил Васильич, – говорят, что помнят только, что соглашались. А на что их подписали – не помнят.

– Да уж, Васильич, поменьше смотри телек, там не такое наснимают ради рейтингов. А баба эта, может часть розыгрыша какого, ты лучше посмотри, не прикрутили ли тебе в толчке скрытую камеру, а то реально на всю страну обосрешься. – загоготал Толик и встал из-за стола.

– Да иди ты, – недоверчиво покосился в сторону общего

туалета Васильич.

– Иду-иду.

Зайдя в свою комнатушку, Толик бросил рюкзак на единственный стул. Из-под кровати из нычки достал пузырь водки, налил себе половину стакана и натошак залпом опрокинул его в себя. Дыхание сперло, обжигающую жидкость желудок хотел отвергнуть, но опытный спортсмен на волевых обуздал стихию. Порывшись в рюкзаке, достал пузырек со спиртом – вот он «НЗ – неприкосновенный запас», поставил его на стол. Тепло растеклось по телу. Не раздеваясь, Толя плюхнулся на кровать и начал проваливаться в сон, глубокий как Марианская впадина, как он того и хотел.

Васильич шмыгнул носом, его колотил озноб. Простуда в межсезонье раньше не удивила бы его, но сейчас, когда в каждом чихе мерещился «Красный карнавал», он заставил себя подлечиться.

Насыпав черного молотого перца на дно стакана, плеснул в него граппу, которую хранил уже два года после давно позабывшейся поездки в Крым. Сделав глоток и зажав нос крепкой пятерней, он постоял некоторое время без движения. Вышибло слезы, лоб покрылся испариной, но нос задышал. «Вот тебе, зараза! Куда тебе тягаться с народными средствами!» Отчетливо понимая, что к жене лучше не соваться, он присел на кресло, накрылся старым фланелевым пледом и стал мерно сопеть. В полночь лихорадка вернулась, с трудом разлепив глаза, он тяжело встал и, покачиваясь, побрел по

коридору в поисках аспирина. Таблетки были в комнате, где спала Валька. Отворив дверь, он не увидел ни зги. Наконец нашарил рукой выключатель. Добыв свет, он вздрогнул.

В комнате творилось что-то странное, она словно раздалась в размерах и представляла собой вместо привычных 12 квадратов просторный зал. Стены и пол были в нем загажены какой-то серо-коричневой порослью, которая представляла что-то среднее между высохшими кустами и ползущей слизью, одно слово гниль. И запах стоял самый прескверный, пахло смертью. Предметы обихода и мебель сплошь покрылись этой мерзкой массой и лишь отдельными очертаниями давали понять что есть что.

В самом центре этой уродливой инсталляции стояло существо: голое, наполовину вроде баба, на другую – мужик, оно постоянно меняло форму, под кожей бугрились и перекачивались то ли мышцы, то ли кости. Серые редкие волосы свисали длинными прядями с головы. Чудовище стояло спиной к Васильичу, который тут же забыл о своем самочувствии, страх сначала за себя, а потом и за супругу пробудил в нем неистовый всплеск адреналина, который купировал вопросы: как и почему? В этот момент все происходящее казалось кошмаром наяву. Он боялся зажмуриться и отвести взгляд. Существо, почуяв его присутствие, медленно стало поворачиваться. Наклонив в сторону голову, оно обнажило три ряда острых зубов, за которыми скрывались пульсирующие пурпурные жабры. Глаз не было. Вместо этого на пе-

риферии головы набухли шишки с углублениями, в которых быстро-быстро завибрировали перепонки. «Оно меня слышит и чувствует, черт побери!» – мелькнула догадка.

Тварь тем временем перестала быть бесформенной, напротив все ее тело сосредоточилось и очевидно приготовилось к броску. Васильич попятился, нащупав рукой торшер схватился за него как за спасительную дубинку. Рыкнув, чудовище ринулось к нему. Отталкиваясь поочередно мощными лапами, оно стремительно сокращало дистанцию. Защищаясь, он метнул в нее лампу, которая вдребезги разлетелась о голову, но не остановила, а лишь на мгновение замедлила существо. Вслед полетело все, что попадалось ему под руку, книжки с полок, пузырьки духов. Васильич вертелся как мог, уворачиваясь от ударов мощных лап, которые едва не снесли ему голову, размолотив в щепки шкаф.

– Что ты такое?! Где Валя?! – орал он, отступая к коридору, будучи уверенным, что пятился уже сотню метров, а порога все не было. Под руки попалась связка ключей от двери, в отчаянии он бросил и их, тварина как обученный пес перехватила их пастью и удовлетворенно сглотнула.

Отступая, он уперся спиной в кухонный гарнитур. Не сводя глаз с монстра, хаотично шаря позади рукой, Васильич нащупал нож. «Пропадать, так пропадать!»

Почувствовав, что у него есть яйца, он с ревом бросился навстречу чудищу. Короткий удар почти без замаха в брюхо справа и тонкая желтая струйка со зловонием брызнула

из раны. «Не таким и крепким оказался мерзавец», существо замерло, не сопротивляясь упало на спину, дрыгая одной ногой и неуклюже подбирая кишки, выползающие из раны, непропорционально длинными лапами. Оно было все также отвратительно Васильичу, но в его пасти что-то блесло. Приблизившись, он увидел ключи от квартиры, они лежали прямо на раздувающихся жабрах, но просто так их было не схватить – три ряда зубов все также были готовы оттяпать его руку по самый локоть. Но ключи нужно было обязательно достать, иначе из квартиры было не выбраться. Нож был для этих целей слишком коротким.

Решение пришло быстро. Накануне он укреплял раму на балконе тонкими деревянными рейками – штапиками. Схватив их остатки в одну руку, подобрав спрятанный за радиатором батареи топор, он метнулся назад к прищельцу. Именно так он классифицировал этого монстра, других логичных объяснений его пребыванию в квартире он не нашел, а в чертовщину не верил. Переборов отвращение и пользуясь тем, что тварина особо не сопротивляется, он уселся на нее сверху. Взял в руки первую рейку и процедил сквозь зубы: «Сейчас ты покажешь мне свои жабры!» Упер штапик прямо в пасть и, замахнувшись, обухом топора приготовился забивать. Чудище, почувствовав неладное, стало извиваться под ним и в отчаянии хлопало пастью, силясь вцепиться в мучителя.

Толика разбудил крик, страшный, полный ужаса. Кричала

Валентина.

Он встрепенулся и, чуть не разбившись о косяк, вывалился в коридор. Дверь к соседям была закрыта, за ней были слышны звуки борьбы. Понимая, что творится неладное, наплевав на этикет – Толик навалился на дверь плечом, и она отворилась. На полу, истекая кровью из раны в боку, лежала тетя Валя, сверху на ней сидел ее муж, который держал в одной руке тонкий деревянный штапик, а в другой – молоток.

– Васильич, что ты творишь! – заорал Толик

– Толя, это пришельцы... они напали на землю, а эта тварь съела ключи от квартиры... сейчас я раскрою ей жабры, заберу их и нас спасу! – сбивчиво пыхтел он.

– Нет! Стой! – закричал Толик и бросился на соседа.

Высокая фигура в красном вечернем платье возникла перед ним плавно, уверенно, словно стояла за дверью и ждала команды выйти на сцену, на этот раз ее лицо было скрыто маской, но взгляд зеленых глаз, сверкавших из тьмы, парализовал Толю, он не мог пошевелиться. Ее губы приблизились к лицу Блендера и с них сорвалось отравленное дыхание. Ее тонкая рука с невероятной и спокойной силой оттеснила Толика к порогу, дверь захлопнулась. За ней были слышны глухие удары, сначала надрывные крики, а после булькающие стоны.

Но Блендер уже этого не слышал, яд, попав в рот, из розовой пыли конденсировал и стекал в его желудок, он чувствовал, что погружается во мрак, на автопилоте он зашел в

свою комнату, отвернул крышку пузырька со спиртом и сделал полный глоток. Пищевод, легкие, а после и желудок обожгло и тут же вывернуло его содержимое наизнанку. Ему не хватало воздуха, глаза налились кровью и слезами, подавив приступ удушья он вспомнил все.

Тетю Валю надо было спасать. Не задумываясь о последствиях, Толя выбежал в коридор и с размаху врезался в грузную фигуру в плаще. Он молниеносно сообразил, что это был тот самый верзила из подъезда. Сделав шаг назад, он остолбенел. «Не показалось». На него смотрела сама тьма. Фигура возвышалась над ним, преграждая путь, но то ли алкоголь давал о себе знать, то ли первобытные инстинкты: «бей» и «беги», возомнили, что настал их звездный час, то ли слова тренера из юности пробудили в нем воина: «Если ты когда-нибудь вырубешь кого этим ударом – с тебя причитается!».

Толя врезал, что есть мочи, левым апперкотом в правое подреберье здоровяка и тут же вложил всего себя в мощный хук, который шел точно в его челюсть. Это была проверенная временем комбинация, скольких он посадил на пятую точку в свое время ей. Такой удар должен был неизбежно выключить свет. И он выключил. Но не так, как ожидалось.

Ударил он точно в цель, но правая рука не нашла преграды, она провалилась в пустоту, а вместе с ней молниеносно провалился и сам Блендер, будучи затянутым невероятным вихрем. Он чувствовал, как каждая клеточка его тела слов-

но попала в центрифугу и ее раскрутили до скорости света, ему хотелось блевать, но он отчетливо понимал, что его не вырвет, это просилось наружу его собственное сознание, его словно отделяли от брэнного материального тела. Толя летел сквозь темноту, но видел впереди слабую точку, через какое-то время он увидел еще точки вокруг, они дрожали, вытягивались в полоски, оставались позади, но эта точка была неподвижной. Прошло бесконечно много времени прежде, чем она стала расти, превращаясь в плотное сияние. Пространство вокруг превращалось в туннель. «Скорее уже, нет больше сил!» – думал про себя Толя, готовый на все и уже едва осознавая, кто или что он есть такое. Все, что он чувствовал теперь, даже нельзя было назвать болью, он чувствовал себя скоростью, волной, энергией. В какой-то миг быстрота стала невыносимой и мысль отстала. Кто-то дернул ручку рубильника.

Васильич вытер испарину со лба. В руках он сжимал связку ключей, а под ним лежало тело, чудовище больше не подавало признаков жизни. Его плеча коснулась женская рука. Он дрогнул и обернулся. Увидев перед собой женщину в красном, он хотел было возмутиться, но прикусил язык.

– Здравствуй, Григорий, – начала она, – ты знаешь кто я?

Ее голос звучал отдаленно и словно отражался от фарфоровых стенок маски.

– Ты.. та, о ком сейчас все говорят, – в горле пересохло и Григорий Васильевич сглотнул, но не почувствовал облег-

чения. – Ты из красного карнавала.

– Да, многие меня отождествляют с ним, в этом ты прав. Но я пришла к тебе не просто так, я шла на шум боя. Мне хотелось увидеть смельчака, воина, который смог преодолеть страх. Знаешь ли ты кого одолел?

– Догадываюсь, это пришелец?

– И да, и нет. Много лет назад среди землян пустила ростки скверна, она пришла с звезд, это чужое семя серой гнили, ей потребовались сотни лет, чтобы привыкнуть к условиям жизни на вашей планете и прорасти. Теперь же она готова захватить и уничтожить ее. Я тоже пришла из далеких краев, мой народ пострадал в свое время от этой напасти. И с тех времен мы – эмиссары преследуем ее по всей Галактике и уничтожаем. Но нас мало, а она сильна, лишь объединившись с развитыми формами жизни, мы можем противостоять ей. Я могу являться во снах тем, кто поражен серой гнилью, если организм еще достаточно крепок и не утратил воли, мне получается его исцелить. Но для этого я должна знать, готов ли ты бороться со мной плечом к плечу против абсолютного зла?

Васильевич задумался, как-то складно пела эта посланница звезд, не могло быть все так ровно, что-то здесь не так.

– Что ты хочешь взамен?

– Ничего необычного, мне нужно коснуться твоего сознания, чтобы наделить тебя нечеловеческой силой и способностью видеть суть вещей.

Лихорадка снова начала подступать и Васильевич поплыл, заметив это, женщина с силой стиснула его плечо, сосредоточив внимание на себе.

– Подумай, Григорий, я видела многих людей, но среди них всех мне не встречался лидер подобный тебе. Все они жили в грезах, лишь ты смог узреть истину наяву. Мне нужен командир для моей армии, мне нужен Ты.

– Да, госпожа, я готов. – с трудом проговаривая слова, ответил он, удивляясь своей покорности и нелепости обращения, «слышала бы это Валька, вlepила бы затрещину и мне, и госпоже».

– Я принимаю твою службу. – твердо ответила она, наклонилась к поникшему Григорию и поцеловала его в губы.

Это был странный поцелуй, ему показалось, что он поцеловал раскаленную сковородку, по невидимым трубам в его мозг потек нестерпимый жар, ему казалось, что кровь из сосудов откачали и в них же вылили раскаленное олово. Мозг горел, Васильевич, кричал, но звук этот существовал только в его голове. В комнате, где он стоял на коленях, сжав в окровавленных руках связку ключей, было тихо. За окном раздавались звуки сирены – кто-то из соседей все же вызвал полицию.

На стекла упали первые капли мелкого осеннего дождя. Снег опять проиграл, но зима была как никогда близко.

Редактор судеб.

Белый пушистый снег тихо опускается с серого неба, покрывая бескрайнюю равнину. Я лежу на спине, раскинув ноги и руки в стороны, улыбаюсь и пытаюсь ртом ухватить хоть парочку снежинок. Интересно, какой он на вкус этот снег? Такой же как в детстве чистый, непорочный с легким привкусом пломбира или другой – вымученный серостью будней, водянистый и колючий, несущий тонзилит? Я ставлю на первый вариант. Что-что, а снег за эти годы себе не изменил, и я хочу его попробовать.

Это так странно, столько лет бежать от себя, а теперь вдруг остановиться и сполна захотеть пережить казалось навсегда ушедшую палитру ощущений. А почему бы не сделать еще и "ангела" на снегу? И я начинаю совершать размашистые движения руками и ногами, получается неважно – ноги и руки уже плохо меня слушаются, а вслед за руками на свежем снегу остаются бардовые следы. Но мне весело почему-то и совсем не холодно, с недавних пор по телу наоборот стало растекаться тепло. Значит я достиг вазоконстрикции и скоро буду видеть насыщенные сны. Но у меня еще есть немного времени побыть наедине с собой и рассказать свою историю моему будущему Судье.

Сколько себя помню, мне всегда удавалось ладить с

людьми. Этот талант и привел меня сюда. На эту обледененную пустошь. А может быть меня привел сюда мой дар? Или проклятие? Или все же талант, за который мне пришлось заплатить свою цену.

Все началось с книги, точнее с фильма. Помните, лет пятнадцать назад был сериал "Хиромант" с Чурсиным в главной роли, классная попытка переосмыслить "Мертвую зону" Стивена Кинга, для меня этот фильм стал своего рода открытием, посмотрел его на одном дыхании и зафанател. На тот момент я был еще мальчишкой, а интернет в нашей глубинке развернуться не мог, в местной библиотеке не нашлось ничего и близко подходящего. Приобщиться к хиромантии не удавалось, а очень хотелось и тогда-то мне на помощь пришла тетка. Она к пятидесяти годам всерьез ударилась в оккультизм и, прознав о моем интересе, невзначай дала почитать старую книжку из своей коллекции. Во истину книга – лучший подарок. В сущности это была неглубокая беллетристика на тему гадания по руке. Но на безрыбье была прочитана вдоль и поперек, переписана, зарисована. А после неоднократно применялась на практике, от девчонок желавших узнать о грядущем замужестве отбоя не было. Ко мне в буквальном смысле выстраивались очереди из желавших услышать предсказание. Было весело, но дальше школьной звезды на неделю я не продвинулся, про хобби свое я забыл до поры...

Не люблю повторяться, но в тот день, как и сегодня, снег

не валил снегопадом, не сыпал крошкой, не вертелся волчком в завихрениях метели, он просто шел, сносимый ветром, как чаще всего и бывает зимой. Мы шли ему навстречу, о чем-то говорили, я любовался тем как пальто подчеркивало гибкий стан моей спутницы. Подруга весело перепрыгивая канавы, чем добавляла своим движениям грациозности. Бедные студенты в большом городе, прекрасное было время. Бедные, но свободные.

Вскоре мы вышли на остановку, однокурсница попрощалась и перебежала улицу в неполюженном месте – как всегда нарушала правила. Нас разделяли четыре полосы движения, одгруппница улыбалась и махала мне рукой, я смеялся в ответ. От остановочного павильона меня отделял небольшой огороженный волчатником кусок тротуара, обойти его? Подъезжал автобус.

Ну вот еще, не на глазах же Лерки, бравируя я сделал нырок под ленточку и в три прыжка преодолел опасный участок, но в эти мгновения сверху послышалось скользящее движение, меня накрыло с головой снежной пылью. Когда она осела, аккуратно вокруг меня лежали огромные глыбы льда и снега, слетевшие с крыши. Откуда-то сверху раздавалась отборная матерщина работников ЖЭКа. Мне стало невыносимо стыдно за свой поступок, который мог обернуться трагедией. Не мешкая я нырнул в салон ЛиАЗа и двери за мной закрылись, повинуюсь гидравлике.

Водитель, крепкий худощавый мужик лет пятидесяти, со

смуглой, почти бронзовой кожей и пронзительно серо-голубыми глазами, испытующе посмотрел на меня:

– Куда едем?

– Да недалеко, до семнадцатого микрорайона.

– Все Вы так говорите, а потом остаетесь до конечной, – усмехнулся мужик. – Оплачивать как будете?

– У меня студенческая карта есть либо – вот. – протягиваю ему свою восьмую часть недельного бюджета – старую помятую сотку.

Водитель поморщился, брезгливо вытер руки о свой выдавший виды рыбацкий свитер:

– Мелочь есть?

Я отрицательно покачал головой. Последовал вздох.

– Ладно, проходи пока в салон, народ наберется, может быть разменяет тебе кто.

Отсутствие размена меня удивило слабо, решил я поискать себе пристанище. Салон был пустым, если не считать одинокой старушки-цыганки, прикорнувшей у окна. Женщина выглядела совсем не так, как я привык их видеть на вещевых рынках или среди попрошаек, она была весьма статная и как с картинки. Благородная седина выбивалась из-под платка и легкой прядью спадала на ее глаза, полные мудрости и тоски. Однако стереотипы потребовали от меня держаться от нее подальше, и я пошел дальше по салону. Из окна мне удалось разглядеть Лерку, она больше не улыбалась, а с каким-то потерянным выражением лица смотрела туда,

где еще мгновение назад был я.

Автобус тронулся, я брел по салону дальше, но здесь меня ждало неожиданное открытие, сколько бы я не делал шагов вперед, продвижения не следовало, ряд кресел словно удлинялся вперед. Оглянувшись же назад, я обнаружил, что по-прежнему стою на том же самом месте – напротив старухи. Заметив мое замешательство, она повернулась ко мне и заговорила:

– Садись рядом, мальчик, не бойся. У каждого в этом автобусе свое место, ни к чему занимать чужое.

Было странно слышать что-то подобное, в мое нутро проникло какое-то легкое оцепенение, подобно тому чувству, что возникает во время ночного кошмара. Но я овладел собой и покорно присел рядом.

– Кто Вы? Что со мной?

– Я просто старая цыганка, которая уже давно не может доехать до дома. На второй вопрос, ты сможешь сам ответить, со временем. Дай-ка я на тебя погляжу, твое лицо мне будто знакомо. Твоя бабушка не из Тагайских лесов родом?

– Из них.. откуда Вы знаете?

– Я много чего знаю, помню ее еще ребенком, цветочком не распустившимся в шестнадцать лет, война тогда только закончилась, мы табором стали неподалеку и жили дружно с местными, их не обижали и они нас. Гадала я тогда им, ворожила, скотинку лечила, травки собирала, много у меня было хлопот, души заблудших казаков из оврага гоняла.

– Каких еще казаков? Пойдите, это же больше 70 лет прошло, как такое возможно? – я смотрел на нее как на сумасшедшую, сам лихорадочно вспоминал, что такое цыганский гипноз и как я мог стать его жертвой, ведь про бабушку мою она говорила все в кон.

– Да ты не перебивай, слушай. Все поймешь, в свой срок. Бабушке твоей тогда шестнадцать лет минуло, худющая была, бледная, одни глазища огромные только и сияли, да нос торчал. Болела она тогда сильно, отец ее – врач все на анемию грешил, но видела я не раз, как она буренку с леса гоняла и воронье за ней по веткам прыг-скок. Недобрые то были птицы, не нашего мира. Решила я как-то заговорить с ней, пошла на полянку, где скотинка ее паслась и начала себе травку заготавливать, да песенку-оберег себе под нос мурлыкала. И вот вижу появилась она к вечерней зорьке из-за пригорка и к коровке своей идет, да зовет ее ласково, а из чащи за ней два осатанелых глаза наблюдают и сухими истлевшими пальцами узелки из воздуха плетут. Тут уж мне ясно все и стало, вышла я сама на голосок ее и говорю. "Девочка, а девочка, помоги, проводи травницу до дома, старая стала, силы не рассчитала, не дойду, а я тебя платочком одарю и на плечи ей свой платок накинула". Глазищи ненавистно сверкнули и сгнули в чаще той. Разговорились мы с ней о том о сем, про самочувствие все я у нее выпросила и помощь предложила. Дошли мы не к моему дому, а к ее. Встали у порога, копать говорю. Что копать, спрашивает. Земли-

цу у порога копай, да не мешкай. Взяла она палочку ковырнула землю, а у порога то платочек старый зарыт ситцевый, а в нем аккуратно так косточки зверя лесного завернуты. Говорю ей, "на смерть" тебе это сделали, да не гадай кто, все равно не угадаешь и мотива не поймешь. Научила я ее молитвам особым, да три камушка речных ей дала, сказала – спрячь их дома, где никто не найдет, да сама не проверяй. А в полночь иди к оврагу, да к ручейку, спиной к нему обернись, да читай молитву ту, что научила тебя. Как закончишь – платок через плечо кинь, да беги домой и не оборачивайся. Чтобы не слышала за спиной, не оборачивайся.

– Откуда все это знаете? Мне это только сама бабушка и рассказывала в детстве. Продолжение истории я знаю, бабушка камни те в серванте спрятала под чашку, и в назначенный час пришла к ручью, когда молитву читать начала с воды ветер на нее налетел, волосы разметал и вой страшный поднялся, она дрогнула, но устояла, дочитала до конца и бегом домой, не оборачиваясь. Утром проверила чашку, а камней то там и не было уже. Пошла она в табор, да Вас там уже и не было.

– Знаешь продолжение, да не все. Когда бабушка твоя молитву читала, я рядом была. В камышах, ждала, когда "женых" на зов придет. Овраг тагайский славой дурной оваян, Стеньки Разина войско в нем хоронилось после того как разбили их, был среди замученных казаков там один очень уж охочий до женского полу, дух его покоя так и не нашел. По

первости прятался он в чаще да отдушину находил в том, что грибников пугал. Выйдет из чащи в рваной рубаше, борода путанная, кровь с нее льется, да наслаждается визгом. Радость для него какая никакая. А тут на четвертой сотне лет вздумалось ему жениться, да где ж ему себе под стать сыскать, вот и решил он загубить душу невинную, сообразил "на смерть", да я ему все планы спутала. Когда бабушка твоя убежала я в бой с ним и вступила, тяжело было, не скрою, заматерел его дух, прирос к земле грешной, да новыми страстями питался. Воронье он на меня насылал, жуками-гнильцами пытался отпугнуть, да где там, от птиц травкой отбилась, для падальщиков зола да угольков из печки захватила. Прижала я его да ниточкой по рукам и ногам связала, напоследок то он мне и поведал, кто есть такой. До рассвета его продержала, до первых лучей, а после отошел он, очистился, свет и огонь все очищают.

– Так, а пропали то Вы почему?

– Ох, молодость, не умеешь ты ждать. Все тебе и сразу подавай. Не перебивай слушай. После вернулась я в табор к рассвету, где ждало меня потрясение. Уж не знаю была с тем, что в ночь произошло, связь, но любимый внук мой совершил страшное злодеяние – обезглавил барона, за что его тут же и предали суду. Не выдержал тогда мой разум, стала тенью себя самой. Помню шла не видя земли перед собой по дороге проселочной и вот остановился автобус рядом и подвезти предложил. У меня и монетка с собой припасена

была, да не дала я ее ему, что-то удержало, да он и не настаивал. Садись, говорит, сестра, как время придет – запла-тишь. С тех пор и еду. Историю эту я тебе первому говорю, остальным пассажирам самим есть, что рассказать. Сиди, да слушай.

– Так, что же это выходит за автобус такой.. – не успел договорить я.

Заскрежетали тормоза. Автобус остановился. Сквозь стекло я разглядел остановку "Перинатальный центр". На пороге стояла молодая женщина, с грудным ребенком на руках.

– С детьми не беру.

– Простите, но как же я его оставляю, он маленький совсем, нам до дома недалеко, пустите нас.

– Тебя возьму. Его нет, сегодня я без детских кресел.

– Без него не поеду.

– Тебе решать, но поспешай. Время пришло, удержишься тяжелее уехать будет. Можешь пока отдать ребеночка сестричке, нечего мальцу на морозе дышать.

Плечи женщины опустились, она припала синими губами к лбу младенца. Чьи-то руки взяли сверток и оторвали от матери. Она не сопротивлялась. Невидящим взором она обвела салон автобуса. Молча протянула водителю монету и прошла в самый конец.

– Этот поцелуй он будет помнить всю жизнь, сам того не понимая.

Я промолчал.

– Ладно не грусти, таков закон жизни. Послушай меня, соколик, не случайно ты здесь оказался, передай весточку от меня внучке моей.

– Как же я передам, если я..

– Да не умер ты, был бы таков за проезд нашлось бы что передать. Не с проста тебя сюда направили, услышаны мои молитвы. Не могла я просто так с собой дар свой унести. А ты сосуд, тебя наполнить можно. Хлипенький, ты правда, долго в себе его не унесешь, не по крови он тебе.

– О чем вы вообще, я вас не понимаю.

– В нашем роду по женской линии гадалками мы были и награждены были за службу свою даром особым. Во имя благой цели можем мы судьбы исправлять. Линии на ладони править. У всего своя плата есть, каждая такая правка ладонь писаря меняет. Произвольно, никогда не знаешь, что убавится, а что прибавится. Потому с умом и большой ответственностью надо к тому подходить. Найди Талэйту. Передай это от меня. Не медли и сам не пытайся дел нагородить. Любой дар в неподготовленных руках проклятьем обернуться может.

Цыганка взяла мою руку и длинным ногтем начертила на ладони что-то похожее на серп. После внимательно всмотрелась в свою ладонь и прошепатала:

– Исчезла.

Я удивленно смотрел на свою кисть.

– Дорогой брат, останови здесь, мальчик выйдет.

– Как же мне ее найти?

– Не знаю, ты молодой, сам разберешься.

Автобус тяжело ухнув замедлил свой ход. С шипением открылись двери.

– В следующий раз не забудь мелочь, я сдачи не сдаю.

– Надеюсь, в следующий раз я окажусь здесь не скоро.

Яркая вспышка света резанула глаза. Я лежал на спине, в ушах звенело, снежная пыль оседала вокруг, откуда-то сверху кричали.

– Парень, ты там живой? На какой ляд под волчатник полез?

– Живой, он живой, что таким кретинам сделается. – про-
бормотал дворник.

Собравшись с духом, встал. Вроде цел, гул в голове мало-помалу сходил на нет. Отказавшись от помощи случайных прохожих, отряхнулся и побрел в сторону дома. Было очень стыдно, хорошо, что Лерка не видела того, как я об-
лажался, плотный поток машин скрыл от ее глаз разыграв-
шуюся со мной сцену. По дороге припомнил историю с ав-
тобусом. Привидится же такое. Ладонь саднила. Сняв пер-
чатку, я остановился как вкопанный. На холме Юпитера был
начертан серп.

Отец и сын

Над ним распростерлось абсолютно черное небо, его цвет

был настолько насыщенным, что в нем растворился отблеск далеких звезд, оно было столь темным, что на мгновение он вспомнил войд Волопаса. Даже когда во время своего долгого путешествия он миновал этого монстра, его бесконечная пустота продолжала манить его, в своих снах он слышал настойчивый шелест квазаров: «Останься с нами – обрети покой». Но он не хотел этого.

«Не ищи покоя – такого зверя нет на свете» – так часто в детстве говаривал отец, цитируя любимого фантаста, и потому он продолжал свой путь, разменяв второй десяток парсеков. Это был его первый и последний рейс на челноке в программе терраформирования – Миссури.

Название было дано планете американцами, как первооткрывателями, вся поверхность этого небесного тела была испещрена полноводными мутными реками и была 23 кандидатом на превращение в новую колыбель человечества. Со временем ее очередь сдвинулась до первой позиции, а 96 операторов программы взяли билет в один конец и выдвинулись навстречу неизвестности. Земля, к этому времени, уже была достаточно истощена и догорала как свеча. Первые десятки пилигримов отчетливо понимали, что даже не ступят на поверхность планеты, их участь была печальна, управлять за процессами изменения климата, состава атмосферы с орбиты. Когда процесс превращения агрессивной среды в комфортную для жизни был завершен, операторы выпустили контейнеры с живыми культурами, которые должны бы-

ли населить новый дивный мир. Но случилось непредвиденное, как только популяция живых существ выростала на два порядка, происходило их массовое вымирание. Складывалось ощущение, что Миссури отторгала принесенную жизнь извне как чужеродные органы.

Отчаявшиеся переселенцы, собирали отчеты и слали их в центр, в котором и трудился отец Генри. Последний был талантливым инженером и гениальным изобретателем, он смог найти решение. Его идея была такова: если мы не можем переселить жизнь – мы создадим ее заново.

Разработанные им наноботы – микроскопические роботы, способные перерабатывать неживую природу и создавать из нее свои копии, а также сохраняя свою собственную автономность подчиняться единому алгоритму создания органических соединений из первичного бульона, созданного на Миссури, а затем постепенного усложнения цепочек эволюции вплоть до воссоздания человека и всего многообразия живых существ Земли. Разумеется, столь значительный массив данных эти малютки в себе хранить не могли.

И потому вторая волна операторов трудилась над созданием гигантских сооружений-ретрансляторов, замаскированных под естественный рельеф местности, которые должны были передавать наноботам программу действий и выступать хранилищем человеческой культуры. Источником энергии этих колоссальных объектов первоначально был термоядерный синтез, а после сама планета. Выпущенные нанобо-

ты должны были не только синтезировать жизнь, но и контролировать ее развитие, мутации, сохранять чистоту генов, а после регулировать численность популяций наиболее гуманным способом – незаметно влияя на плодовитость особей. Их прообразами на Земле были вирусы, чья природа оставалась долгое время неразгаданной и по-прежнему доставляла немало проблем.

Челнок Генри вез 19 контейнеров ценного груза, даже половины хватило бы для выполнения задачи. То была самоотверженная и благородная миссия, обеспечить бессмертие, принеся всех живущих в жертву времени.

Выходя на орбиту Миссури, Генри вспоминал отца в их последнюю встречу. Здоровье у старика стало сдавать, лицо осунулось, но фанатично твердый блеск в глазах выдавал в нем несгибаемую волю. Они прощались навсегда и то последнее рукопожатие врезалось в память, вместе с ним сжалось его сердце. Отец впервые не мог подобрать слов и просто протянул ему томик своих стихов, в котором он нашел на обложке надпись: «Я верю в тебя сын». Эти слова дорогого стоили.

При подлете к границе атмосферы сильная геомагнитная аномалия сбила навигационную метку и вынудила перевести систему расчетов в ручное управление, потребовалось без малого полтора часа, чтобы закончить работу по стабилизации курса. Работать приходилось в одиночку, второй пилот Джеймс не мог отойти от двойного прыжка через червото-

чину и пребывал на восстановлении в камере. У Генри не было права на ошибку, к тому времени, когда челнок достиг цели на Земле минуло столетие, это не укладывалось в воображении, но это надо было принять как данность. Второй попытки быть не могло.

Задачей было не просто сесть на любой ровной поверхности, а приземлиться на идеально ровном плато, примыкающим к грандиозному пику Сальери, чьи рваные контуры, предательски возникшие из тумана, стоили жизни 9 членам экипажа второй волны операторов. Но именно в нем был смонтирован центральный ретранслятор и хранилище с массивом данных. На первых порах было важным, чтобы наноботы попали в зону действия его полей, в противном случае они бы так и остались неактивированной грудой пыли.

Навигационная система показывала, что место посадки стремительно приближалось, но Генри не мог понять, что происходит – под ним распростерся ураган. Времени на маневр уже не осталось, топлива бы не хватило на рывок, оставалось только одно решение – сесть в самый глаз бури, а после молиться, что судно выдержит удар стихии.

И ему почти удалось. Угол снижения челнока, вытянутого подобно стреле и напоминающего неуклюжий океанский танкер, был слишком крут. В результате они зацепили внутреннюю кромку бычьего глаза. Судно трянуло так, что показалось, что оно переломится. На приборной панели высветилась гирлянда из предупреждающих лампочек о пределе

допущенных перегрузок. Генри принял нетривиальное решение, врубив задние ускорители, он словно протолкнул корабль сквозь мясорубку и смог проскочить в игольное ушко. Но система не унималась, внезапно из-за превышения допустимой скорости снижения управление перешло в автопилот, поймав наконец навигационную метку стали периодически включаться боковые и нижние ускорители, которые стали превращать падение в контролируемое. Перегрузки возросли и в глазах потемнело, металлический голос прозвучал: «Угроза жизни экипажа, приготовиться к катапультированию, активировать протокол б».

– Нет, нет, глупая машина!!! Ты нас прикончишь! – успел прокричать Генри, но автоматика была непреклонна, на его груди сомкнулись ремни, шлем дважды заев, смог защелкнуться и произошел отстрел его кресла в бесконечную черноту чужого неба.

Он видел, как трепетал купол белый с оранжевыми кругами, как рвались стропы одна за одной, как стал расплзаться шов и как стремительно набегала земля. Потом наступила вспышка, обернувшаяся тьмой.

Тяжелый вдох, грудная клетка, казалось, вот-вот разорвется от боли. Легкие отказывались принимать в себя холодный ночной воздух, пропитанный дождем, может быть последним дождем, который он застанет на этой проклятой планете. Перевернувшись, медленно, стиснув зубы, начал ползти на четвереньках, по грязи, суглинку, сплошь усы-

панному пеплом. Вокруг каменистое плато и ни одной травинки, изредка торчат из земли обломки отгнивших стволов деревьев. "Кто же присвоил этой планете 23 место, она мертва как могильный камень". Струи воды смывают пыль и несут в водовороте темных пустых ложбинок. Генри поднялся, но спазм заставил сжаться от боли, кровь пульсирующей струйкой пробивалась сквозь зажатую рану в боку. «Дойти, просто дойти. Миссия не закончена». Маячок на скафандре, связующий его с кораблем показывал своим индикатором, что автоматика центра управления отключилась, завершить операцию мог только он. Каждый шаг давался с боем, ноги не слушались и предательский человек внутри уже не умолял, а приказывал остановиться и ждать помощи. «Ишь ты, прорезался у тебя голос». Помощи не будет и он это понимал, внезапно взгляд уперся в неживое лицо друга, в его остекленевший безучастный взгляд. Странно, его шрам на правой щеке скрыт тьмой и грязью и о выглядит так, как при первой встречи в Академии. «Прости, Джеймс, я облажался. Твоя жертва не будет напрасной, я обещаю дойти». А идти придется долго, постепенно уклон повышается, но у самого подножья исполина показалась едва различимая иллюминация челнока, отсюда не менее километра. "Дождь усилился, как и ветер, если не сделать финт ушами – ураган прибьет меня к земле и все будет кончено. Помоги мне, отец!». Я набираю несложный пароль и скафандр вкалывает мне тримеперидин, боль отступает и я потихоньку прибавляю шаг. Те-

перь у меня нет будущего, у меня есть немного времени и задача, которую еще надо выполнить.

Флэшбэком перед глазами встал университет, тренер по боксу: «Скажите в чем разница между Мужеством, Отвагой и Героизмом?.. Никак не сообразите? Хорошо, тогда я Вам скажу, как я это понимаю. Мужество – возникает тогда, когда человек идет навстречу трудностям, преодолевает их несмотря на свои слабости и ограниченные способности, переступает через себя. Отвага посещает человека в тот миг, когда дело требует от него решительности перешагнуть через страх. И наконец героизм... это исполнение своего долга до конца, глядя смерти в глаза, не смотря ни на что. Вот так я понимаю разницу в этих словах».

«Ну что, ты готов стать героем, Генри? Безымянным, всеми забытым героем. Нет я иду не за славой, я заканчиваю дело отца, дело всей его, а теперь и моей жизни».

Челнок на высоте ста метров словно кинжал проткнул гору, но то была иллюзия, в действительности это был хитро спрятанный шлюз и ювелирная стыковка. Из центра корабля в землю ударил луч. Генри направился к нему, кровотечение давало о себе знать, стали отниматься ноги, в сапогах что-то хлопало. Он знал что, но не мог остановиться, чтобы перевязать рану. Каждый шаг вперед – это шанс все изменить... Еще и еще к пульсирующему источнику света, пронзающему атмосферу и вбирающему казалось небеса. Без тени сомнения вошел в него. Вспышка света... Время замедляется,

а невидимые звезды становятся с каждой секундой все ближе... чувства покидают тело.

Генри пришел себя в коридоре на пути к капитанскому мостику, в крыше которого зияла дыра – результат отстрела катапульты спасения. Приложив ладонь к дисплею, встроенный в кожу чип был мгновенно считан системой, переведя ее в процесс активации, он нажал пуск и замер в восхищении. Наноботов невозможно было увидеть невооруженным взглядом в обычных условиях, но сейчас их предельная концентрация на выходе из контейнеров была такова, что вокруг него роились миллиарды сверкавших в отблесках молний частиц серебра, подхватываемые ветром они разлетались по округе, оседали в почву, возносились потоками к облакам, пройдет месяц и наноботы будут повсюду.

В этот миг из центральной консоли мерцая возникла голограмма отца в полный рост. Он был значительно моложе и улыбался.

– Здравствуй, Генри, мой мальчик. Не сочти за слабость мою попытку вернуть себе молодость, я просто захотел напомнить тебе, каким я был. Прослушай эту запись до конца. Ты прилетел как раз вовремя, по моим расчетам в это время года у пика Сальери бушуют грозы и ураганы. Наноботам будет проще воспарить ввысь и распространиться во всех средах планеты. У тебя накопилось много вопросов, и первый из них, что будет с тобой. Ты не умрешь. Никогда не умрешь, Генри, если конечно, сам этого не захочешь. Дело

в том, что ты не совсем человек, ты мое дитя, мое лучшее изобретение. Ты ангел и творец нового мира. Я бы мог назвать тебя киборгом, но это было бы примитивным упрощением твоей природы, ты больший Человек, чем многие из тех, кто когда-либо жили на нашей родной планете. По крайней мере тот факт, что ты стоишь здесь, доказательство того, что ты не испугался самопожертвования во имя великой цели. Наноботы излечат твои раны и будут поддерживать тебя. Симуляцию чувств боли, голода, усталости – ты можешь отныне отключить. Но я бы не советовал отречься от чувств, ты должен ощущать этот мир, ты не должен терять связи с реальностью. Внутри пика для тебя оборудована цитадель, ты имеешь доступ к знаниям всего человечества. Перед тобой стоит чрезвычайно сложная миссия, под твоим контролем должна зародиться жизнь на этой планете. Твои предшественники много сделали для того, чтобы создать достойную среду, процесс этот еще не завершен, но ты уже можешь начать экспериментировать с органикой.

Генри стоял в шоке от услышанного, но не поверить отцу он не мог.

– Теперь возможно все, мы вместе это сделали. Генри, если моя математическая модель верна, мы сможем пройти миллионы лет эволюции за какую-то тысячу лет. Ты представляешь себе, что на новой земле расцветут сады, земля, воздух и воды наполнятся жизнью, виды ушедшие навсегда вернуться, а в конце придет человек – новый Человек, кото-

рый будет способен преодолеть антагонизмы нашего общества. И ты станешь тем, кто обучит его, тихо, тайно передашь ему лучшее, все то, что мы выстрадали за тысячи лет своей истории.

Тем временем рой наноботов облепил рану Генри и он отчетливо видел, как она затягивается на глазах.

– У нас есть лишь пятнадцать минут. Ты запустил часовой механизм, но ему нужен механик. Созданные нами технологии способны воспроизвести жизнь, поиграть в генетику, но мы не сможем контролировать жизнь людей, их творчество, их свободу воли. На этих принципах ты должен оставаться всегда. Ты же послужишь для них проводником в знание, когда наступит пора, распахни им двери в нашу ушедшую культуру, пусть вновь зазвучит Шопен, напечатают романы Ремарка и Хемингуэя, в музеях возникнут репродукции полотен эпохи Возрождения, а на сцене будет метаться голограмма Фредди Меркьюри! Передай им наши технологии, но следи, чтобы их использовали во благо. Пусть они узнают в нас самих себя. Удачи тебе мой, Сын, не держи на меня зла. У меня никогда не было цели спасти человечество, я хотел сохранить Человека – как идею. И личная просьба, я передал тебе томик стихов, почитай на досуге, начни с последнего. Прощай.

Голограмма пропала. Генри на негнущихся ногах проследовал в свою каюту, взял потрепанный томик стихов и побрел вглубь гигантского ретранслятора, за ним захлопнулся

шлюз и было слышно как челнок превратился в некое подобие огромной пушки, выстреливающей порции наноботов в атмосферу планеты.

Его разрывало от эмоций, от пережитого, сознание не могло справиться со сказанным. «Как я могу быть не человеком? Немыслимо». Надо успокоиться и все осознать, чтение всегда его выручало в минуты смуты. Прислонившись к холодной стене, он открыл книгу на последних страницах и начал медленно читать вслух, очень важно было слышать собственный голос:

*Мне нравится скользить на шарике во тьме
И ощущать себя пылинкой во вселенной
Мне нравится, но кто поверит мне?
Ведь я себе давным давно не верю.
Мне говорят, что человек пустяк,
Все наши горести, величие и ссоры
Лишь тень на солнечных потрепанных часах.
Пройдут века и отразятся снова
В других уже привычные черты,
И замкнутые в клетку мироздания
Мы вновь разрушим старые мосты.
Все так.. и пыль скользит по комнате моей,
Ее лучи подталкивают к цели, и ветерок
Качает в колыбели деревьев сонные черты.
А человек под гнетом всех стихий идет*

*Тем временем к неведомым пределам,
Минуя страх забвенья пустоты,
Но хочет всюду быть как прежде первым,
И не считаясь с силами – вперед, наперекор
Бессилию, но с верой, шагает в макром мире
Тот, кого считают лишь условной мерой.*

«Неважно, как я был создан и что я такое «есть» по форме, главное то, что я делаю. Спасибо за последний урок, папа». Генри захлопнул томик, крепко сжал его в руках и уверенно пошел по направлению к свету.